

ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЭКОНОМИКЕ

Россия и многие другие страны бывшего социалистического лагеря переживают или еще совсем недавно переживали острейший социально-экономический кризис, проявляющийся в значительном спаде производства, в снижении жизненного уровня трудящихся, в росте безработицы, обнищании масс, в снижении темпов и уровня интенсификации производства и пр. Как правило, при анализе причин и факторов его возникновения указывают на социалистический способ общественного воспроизводства как первопричину, обусловившую низкий уровень экономической эффективности, причем нередко этот способ оказывается якобы единственной виновницей всех бед. Ни в коей мере не идеализируя социалистическую систему хозяйствования, все же вряд ли оправдано только в этом видеть причину возникшего кризиса. Такой подход есть не что иное, как такая же идеологизация общественных процессов, какая имела место при оценке социально-экономических процессов в эпоху «развитого социализма», только с обратным знаком. На наш взгляд, таких причин множество, хотя, скорее всего, негативные моменты социалистических методов управления экономикой являются действительно важнейшей причиной возникшего кризиса, но, с другой стороны, совершенно очевидно, что и в условиях социализма эффективность общественного воспроизводства была бы существенно выше, если бы не непомерно высокие затраты в военно-промышленном комплексе и помощь, оказываемая в соответствии с идеями пролетарского интернационализма так называемым братским странам, тогда как хозяйская философия нормальных капиталистических стран направлена на удовлетворение прежде всего собственных нужд и потребностей (иначе говоря, и при социализме можно было жить гораздо лучше).

Учитывая высокую эффективность и стабильность капиталистического производства в настоящее время, в качестве целевого ориентира и единственно возможного пути выхода из кризиса постсоциалистического общества, в качестве единственного лекарства излечения общественного недуга, как правило, предлагается переход к рыночным отношениям. Однако не следует забывать, что на протяжении длительной эволюции ка-

питалистическое общество такие многократно оказывалось в кризисном состоянии — и дело не только в циклических кризисах перепроизводства. Так, в истории известны периоды, когда капиталистическое общество трясло, что называется, до основания; в этой связи достаточно вспомнить период Великой депрессии 1929—1933 гг. — кризис, ничуть не меньше потрясший передовые капиталистические государства, чем кризис современного постсоциалистического общества. Более того, эти кризисы по своим качественным и количественным характеристикам во многом похожи. В самом деле: падение валового национального продукта США в период Великой депрессии (между 1929 и 1933 гг.) составило более 30 %; уровень безработицы достигал 25 % от совокупной рабочей силы страны; произошло более чем 16-кратное сокращение объема инвестиций; средний курс акций потерял более 70 % своей первоначальной стоимости и т.д. Подобные цифры характеризуют и современный кризис российской экономики.

Таким образом, любая социально-экономическая система вне зависимости от типа общественного устройства попадало в кризисные состояния — как капиталистическая, так и социалистическая, а также и все более ранние общественно-экономические формации. Точно так же и любое отдельно взятое государство на протяжении своей истории обязательно когда-нибудь оказывалось в кризисном состоянии. В этой связи вряд ли оправдано только в принципах социалистического устройства видеть причину кризисного состояния постсоциалистического общества. Опять же, переход к рыночным отношениям (которые являются всего лишь одной из возможных форм производственных отношений), как показывают первые этапы экономических реформ во многих странах бывшего социалистического лагеря, вопреки многим ожиданиям не только не привел к улучшению социально-экономической ситуации, но кризис в результате этого только усилился (в этой связи лишь время покажет, насколько переход к рынку явится действенным лекарством излечения российской экономики).

Поэтому вряд ли существует какая-то одна причина глубочайшего кризиса, поразившего экономику

бывших социалистических стран. Причины, из-за которых она оказалась в таком плачевном положении, многочисленны. Во многом такого рода негативные аспекты объясняются объективными факторами. Вместе с тем обострение общественных противоречий связано и с субъективными причинами, в частности, отсутствием глубоко продуманной концепции экономической политики в условиях переходного периода. Так, в совершенно недостаточной степени в стратегии рыночного реформирования экономики учитываются отраслевые и региональные особенности, чем во многом и обусловлено снижение эффективности общественного производства в последнее время. В связи с этим весьма актуальна разработка научных основ процесса реформирования и формирования развитых рыночных отношений в постсоциалистической экономике.

Такого рода причины и факторы условно можно подразделить на несколько больших групп. К первой группе следует отнести все негативные факторы развития экономики этих стран в предыдущий, социалистический период ее развития, ко второй — факторы, обусловившие развитие кризисных явлений же в ходе перестроечных процессов. В определенной мере целесообразно выделить еще одной группы факторов и условий, негативное воздействие которых на постсоциалистическую экономику происходит как бы извне. К этой группе можно отнести влияние стихийных сил природы (землетрясения, цунами и пр.), внешнеэкономические, политические и другие факторы. Не отрицая определенного самостоятельного значения данной группы объективных причин, все же отметим, что их действие всегда трансформируется сквозь призму проявления социально-экономических факторов, которые по многим компонентам и обуславливают влияние данной группы причин.

Среди факторов первой группы можно выделить крайне высокий уровень физического и морального износа основных фондов вследствие хозяйствования на основе преимущественно административно-командных методов управления, что крайне затрудняло действие естественного цикла замены основных фондов; неприятие прежним хозяйственным механизмом научно-технического прогресса и ряд других. Среди причин второй группы можно назвать отсутствие цельной и глубоко продуманной политики перехода к рынку, шараханье из стороны в сторону в области экономической политики, непродуманную до конца систему налогообложения, отсутствие общей теории кризисных социально-экономических процессов и состояний и пр. В последней группе факторов среди основных можно назвать изменения в отношении цен на сырье на Мировом рынке в последнее время, целую

серию постигших страну стихийных бедствий уже в период перестройки и т.д. Разумеется, все эти факторы в каждом государстве проявляются сквозь призму действия национальных социально-экономических особенностей общественного развития, которые во многом и определяют специфические особенности и тип реформы.

Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что кризисное состояние имманентно присуще любой разновидности социально-экономической системы, по крайней мере, в мировой истории не известно случая бескризисного развития какой бы то ни было страны. Ускорение общественного развития привело и к учащению появления кризисных состояний. Что касается причин возникновения любого кризиса — то их, как правило, множество, хотя, разумеется, значение и роль разных факторов неоднозначны. Вполне вероятно, что определенные кризисы связаны с действием средне- и долгосрочных волн типа волн Кондратьева, которые объясняются естественным циклом смены технологий; не исключено, что и кризис российского общества в определенной мере «обязан» этому фактору. Поэтому для того, чтобы проранжировать факторы, приведшие к кризису, и выявить наиболее значимые из них, необходимы детальные исследования, а не простые заявления идеологического характера о том, что во всем «виноват» социализм. Конечно же, наряду с другими возможными факторами, важнейшей причиной современного кризиса советского общества являются социалистические производственные отношения, присущая им уравнивательность, сдерживающая развитие производительных сил (хотя, не следует забывать, что социализм, понимаемый не как вся система производственных отношений, а лишь как их составная часть, точнее, как один из элементов хозяйственного механизма — как система социальной справедливости, социального обеспечения — в той или иной форме присущ любой социально-экономической системе; более того, парадокс заключается в том, что во многих развитых капиталистических странах таким образом понимаемого социализма больше, чем было при так называемом «развитом социализме»). Важно учесть также, что попытки при директивном планомерном ведении хозяйства избежать кризисов приводили в реальности к тому, что диспропорции только на время глушились, не ликвидировались, а загонялись вглубь, в результате создавались предпосылки для возникновения еще более разрушительных кризисов. Таким образом, рано или поздно патерналистские отношения в тотально-огосударственной стране должны были привести к снижению эффективности и кризису экономики. Все это так, но в любом случае требуются детальные глубокие исследова-

дования, которые позволят по-настоящему оценить значение и роль тех или иных факторов, приведших к определенному кризису.

Всеми этими проблемами долина заниматься новая область знания — патэкономика. Этот термин был впервые нами предложен [9, 18] для обозначения науки о кризисных, переходных социально-экономических процессах и состояниях, о видах и формах производственных патологий, общественных диспропорциях. Областью исследования этой новой экономической науки является анализ и классификация факторов кризиса, типологизация форм и видов кризисных состояний, всевозможных диспропорций, выявление путей и методов выхода из кризиса, анализ типов и разновидностей реформ, изучение общих закономерностей и специфических особенностей кризисных состояний, а также экономических проблем анализа чрезвычайных ситуаций. Но могут возразить, причем мол здесь еще и переходные процессы, ибо и о них идет речь, когда говорят о патэкономике? Это в общем-то понятно, ибо кризисное состояние любой системы вызывает необходимость ее перестройки, реформирования, перехода в некое иное качество, т.е. иначе говоря, появляется объективная необходимость возникновения переходных процессов и состояний. В этой связи патэкономика должна заниматься также проблемами объективной обусловленности выбора целевых ориентиров, к которым должна стремиться анализируемая система; классификацией этих целевых ориентиров; выявлением закономерностей, форм и методов перехода к новому состоянию, разработкой оптимальной стратегии перехода и пр. Иначе говоря, патэкономика — это также наука о социально-экономических реформах, об их формах и типах, о методах общественного реформирования и т. п.

Но важнейшей задачей патэкономике наряду с созданием основ научной классификации заболеваний социально-экономического организма является разработка методов и поиск путей лечения различных экономических болезней. В этой связи весьма актуально определить, являются ли монетаристские методы единственным средством лечения больной российской экономики? — Напомним, что во времена Великой депрессии американскую экономику помогли вылечить кейнсианские методы государственного регулирования, поэтому нельзя без глубоких обоснований только в монетаристских методах видеть способ излечения. Опыт ряда развивавшихся стран, продемонстрировавших миру «экономические чудеса», — например, Южной Кореи — также лишний раз указывает на условность и зыбкость использования унифицированных рецептов стимулирования экономического развития — тех же монетаристских ме-

тодов, к примеру. В социально-экономической стратегии Южной Кореи были практически воплощены идеи и рекомендации, которые на базе изучения опыта стран «второго эшелона» мирового капитализма или «государств, запоздавших в своем развитии», были сформулированы в середине прошлого века немецким экономистом Ф. Листом, а в середине нынешнего — известным специалистом в области экономической истории А. Гершенкроном. Квинтэссенция «этих рекомендаций, учитывающих опыт Германии и России, заключается в том, что у стран, волею истории оказавшихся в положении догоняющих, нет иного способа резко ускорить темпы своего развития и занять достойное место на Мировом рынке, как опора на силу и мощь государственной машины [17]. Учитывая значение и роль государственного сектора в историческом развитии российского общества, догоняющий характер развития ее экономики представляется, что использование такого рода рекомендаций в российских условиях не менее актуально, чем в Южной Корее, — точнее, необходимо рациональное сочетание, комбинация их и монетаристских методов. Поэтому ответ на поставленный в начале абзаца вопрос будет, скорее всего, отрицательным, на что указывают и отрицательные результаты первых этапов реформирования российского общества на основе монетаристских методов — но для более обоснованных рекомендаций необходимы глубокие патэкономические исследования.

Что касается правомерности использования самого термина «пато-экономика», то, разумеется, кому-то он возможно и не понравится, в связи с чем будут предложены иные варианты. В конечном счете дело не в названии — это вопрос больше филологического характера; но в том, что необходимо создавать общую теорию кризисных, переходных социально-экономических процессов и состояний, общую теорию общественных, в том числе и экономических патологий, у нас нет ни малейшего сомнения, ибо, как показывает даже предварительный анализ, существует немало общего в различных кризисных состояниях, в связи с чем поиск общих закономерностей, являющихся необходимым компонентом любой науки, не только необходим, но и возможен. В связи с этим необходим тщательный анализ и выявление общих закономерностей в переходных процессах в разных странах.

Тем не менее, несколько подробнее стоит остановиться на рассмотрении вопроса о том, почему для названия новой экономической науки предложен нами именно термин «патоэкономика». Дело в том, что кризисные явления — явления болезненные, тяжело переживаемые отдельными индивидуумами, не зря в

этом случае интенсивно ищутся пути и методы скорейшего выхода из кризисного состояния. Иначе говоря, кризис рассматривается как патология, аномалия определенное отклонение от некоего нормального состояния экономической системы. Таким образом, если проводить определенную параллель между экономикой и медициной, то кризис можно рассматривать как определенную болезнь, отклонение от нормального, здорового экономического состояния (в этой связи важнейшим разделом патоекономики является диагностика экономических заболеваний и разработка методов их излечения).

В связи с чем по аналогии с патопсихологией науку, призванную изучать экономические болезни и методы их лечения, формы и разновидности социально-экономических патологий нами и было предложено называть патоекономикой, хотя еще раз подчеркнем, что вполне осознаем определенную условность любой аналогии, а потому не исключаем, что для новой науки в конце концов будет найдено другое, может быть и более удачное название — например, медицинская экономика — однако и предложенное нами не так уж и плохо. Здесь необходимо уточнить, что термин «патологический процесс» образован от греческого «патос», что означает болезнь, а патопсихология занимается изучением общих закономерностей психических заболеваний, анализом механизмов психопатологических расстройств.

Интересно, что патопсихология как новая отрасль знания возникла лишь на рубеже нашего века [2], т.е. сравнительно недавно, учитывая многовековое развитие психологической науки. Точно также, несмотря на древний возраст экономической науки (а этой связи уместно напомнить, что теоретическими проблемами экономики занимался еще древнегреческий мыслитель Аристотель), патоекономика возникает только сейчас. Видимо, в более позднем возникновении патонаук есть своя логика, ибо для того, чтобы начать глубокое изучение отклонений от нормы, аномалий, необходимо сначала всесторонне и детально изучить нормальные процессы, хотя, разумеется, спорадически аномальные явления и раньше подвергались теоретическому анализу. Однако целенаправленного, всестороннего изучения этой группы явлений не было (поэтому в связи с развитием патоекономики вполне возможно, что потребует радикальной корректировки, дополнения и уточнения даже теория стоимости, так как возможно, что для объяснения аномальных экономических процессов традиционные стоимостные законы не годятся, ибо такие классики теории стоимости, как А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс, изучали действие экономических законов на статистической информации, характеризующей функционирова-

ние экономики наиболее передовых стран того времени — прежде всего Англии, т.е. выражаясь языком патоекономики, функционирование нормальной экономики, после чего действие этих законов было перенесено на все рыночные страны).

Интересно, что в последнее время аномальные процессы подвергаются все более тщательному анализу и в других областях знания — в физике, астрономии, биологии, социологии. Возможно, в недалекой перспективе появятся новые виды патонаук — патосоциология, например. А в идеале возникнет целая система патознания: во главе будет патофилософия, изучающая общие закономерности различных патонаук (кстати, тот кризис философии, о котором сейчас нередко говорят, во многом обусловлен, на наш взгляд, исчерпанностью анализа возможных вариантов решения традиционных философских проблем — о материи, сознании и пр., ибо выражаясь языком математической логики, классическая философия, как и евклидова геометрия, и формальная логика, стала, скорее всего, замкнутой теорией, так как все возможные варианты решения ее традиционных проблем известны — поэтому выход из кризиса видится в расширении ее проблематики и, в частности, в философском анализе патологических процессов и состояний) и патологика — наука о логико-методологических проблемах анализа аномальных явлений и целая серия специальных патонаук, занимающихся исследованием аномальных процессов в конкретных областях: в физике, экономике, социологии и т.д. Кстати, поэтому большим методологическим упущением, на наш взгляд, является отсутствие в классификации наук, предложенной академиком Б.М. Кедровым [5], особого комплекса патонаук.

Но все это выходит за рамки нашего исследования, в связи с чем вернемся к проблемам патоекономики. В настоящее время эта отрасль экономики находится в зачаточном состоянии, поэтому преждевременно говорить о дифференциации патоекономики (точно также как до конца XIX века разделение общей патологии на патологическую анатомию и патологическую физиологию было еще не редким). Но со временем, когда эта наука разовьется (а в этом вряд ли стоит сомневаться, так как в недалеком будущем в связи с ростом народонаселения и все более дающей о себе знать ограниченности природных ресурсов пространственным явлением станет не рост экономики, а ее спад, т.е. суженное воспроизводство будет характерным признаком экономики большинства стран мира), наверняка появятся дифференцированные отрасли патоекономики, подобно тому как в патопсихологии появились специализированные разделы. На наш взгляд, вполне реально появление таких направлений,

как региональная патоекономика, изучающая региональные патологии и территориальные особенности кризисных социально-экономических процессов, отраслевая патоекономика, исследующая отраслевые патологии и диспропорции, аномальные явления в различных отраслях; патоекономика предприятия, изучающая кризисные ситуации и методы их лечения на уровне основного хозяйственного звена; историческая патоекономика, анализирующая кризисные состояния в прошлом и пр. Разумеется, патоекономика будет опираться на достижения всего комплекса экономических наук, в связи с чем она будет оперировать сложившимся категориальным аппаратом всего комплекса, но наряду с этим в ней появятся и специфические научные термины. Так, например, одной из важнейших проблем патоекономики, решение которой имеет принципиальное значение для ее дальнейшего развития, является проблема определения количественных и качественных параметров-характеристик нормы и патологии экономических процессов (в этой связи небезынтересно будет привести мнение известного русского медика В.В. Подвысоцкого о том, что общая патология отыскивает и устанавливает законы, по которым совершаются в животном организме всевозможные отклонения от нормы [цит. по: 16]).

В связи с этим остановимся на этой проблеме более подробно. Но сначала целесообразно заметить, что та же патопсихология как психологическая дисциплина исходит из закономерностей развития и структуры психики в норме. Она изучает закономерности распада психической деятельности и свойств личности в сопоставлении с закономерностями формирования и протекания психических процессов в норме, она изучает закономерности искажений отражательной деятельности мозга. Причем от такого подхода выигрывает как теория аномальных явлений, так и сама теория о нормальных процессах. Еще великий физиолог И.П. Павлов говорил о том, что патологическое очень часто упрощает то, что заслонено от нас в норме. Патологический материал способствует постановке новых проблем в общей психологии, чем содействует ее развитию. Кроме того, патологические явления могут служить критерием при оценке психологических теорий. Важно и то, что расстройства психики рассматривались как эксперимент природы, причем затрагивающий большей частью сложные психологические явления, к которым экспериментальная психология еще не имела подхода, т.е., иначе говоря, болезнь превращается в тонкое орудие анализа, ибо, по словам Р. Рибо, она производит для нас опыты, никаким другим путем неосуществимые [2].

Аналогично развитие патоекономики позволит не только глубже понять различные патологии, аномаль-

ные (аномалия — отклонение от нормы) социально-экономические процессы и явления, но и несомненно окажет существенное влияние на развитие «нормальной» экономики, на общую экономическую теорию, ибо, как известно, все ставшие ныне классическими теории, составляющие золотой фонд экономической науки, разрабатывались на статистической информации о функционировании наиболее передовых и развитых стран того времени (например, теория трудовой стоимости, теория А. Маршалла, теория несовершенной конкуренции, кейнсианская теория на примере Великобритании, США) — такой подход, когда изучается развитая экономика и выявленные закономерности обобщаются, экстраполируются на всю систему вполне был оправдан для прошлого периода развития экономической мысли, но в настоящее время он представляется недостаточно оправданным, так как необходимо изучать законы функционирования патологических систем. Итак, проблема нормы и патологии воспроизводственных процессов имеет ключевое значение для развития всей патоекономики (обычно под экономической патологией понимается достаточно длительное ухудшение параметров, характеризующих состояние производственных систем). И дело здесь не только в теоретическом значении решения этой проблемы для всестороннего развития патоекономики, этот вопрос имеет и большое практическое значение.

Так, в настоящее время Россия и другие страны бывшего социалистического лагеря переживают острейший социально-экономический кризис и в качестве выхода из него предлагается взять на вооружение рыночные методы хозяйствования. Выбор такого целевого ориентира обосновывается тем, что в настоящее время многие капиталистические страны достигли высокого уровня экономического развития (поэтому, говоря о цели, следует уточнить, что на самом деле прельщает высокий уровень потребления, изобилие, а не рынок сам по себе; в связи с чем более правильно говорить о целевой установке как о построении «общества изобилия», рынок же является средством, точнее, не только рынок, а оптимальное соотношение рыночных и государственных регуляторов — иначе говоря, не следует путать цель и средство). Тем самым признается, что экономика развитых рыночных стран — это норма, а современное состояние экономики бывших социалистических стран — отклонение от нормы или, иначе, социально-экономическая патология. Однако насколько эти выводы правомерны, т.е. насколько оправдано для любой страны видеть рыночную экономику в качестве единственно возможного нормального экономического состояния? Ведь с научной точки зрения совсем не очевидно, что для России и других стран переход к рынку — един-

ственно возможный путь, по крайней мере, это необходимо обосновать и в любом случае выяснить, какая хозяйственная модель в российских условиях наиболее приемлема и эффективна. Последнее связано с тем, что само понятие «рыночная экономика» не является однозначным — как известно, существует несколько весьма существенно различающихся теоретических моделей рынка: монополистическая, олигополистическая, модель свободной конкуренции (более того, реальный хозяйственный механизм капиталистических стран помимо определенного сочетания рыночных включает, как известно, и другие формы — например, государственные регуляторы). Какая из этих моделей соответствует понятию «норма экономического состояния», или для России в качестве целевого ориентира не подойдет ни один из известных вариантов? С другой стороны, напомним, что наиболее эффективный и действенным «лекарством» (средством, методом) лечения рыночной экономики, когда она всерьез и надолго заболела — кризис 30-х годов под названием «Великая депрессия» — оказались кейнсианские методы государственного регулирования, вопреки тому, что предлагают сейчас для России. Этот же вопрос относится и к проблеме выбора в качестве нормы, отвечающей российским условиям, какой-либо национальной модели развитой рыночной экономики — ведь известно, что хозяйственные системы разных развитых капиталистических стран, несмотря на наличие общих компонентов, весьма существенно отличаются друг от друга. Также следует учитывать, что в постсоциалистической экономике технологический базис весьма отсталый — не приведет ли поэтому либерализация хозяйственной деятельности лишь к снижению экономической эффективности?

Таким образом, как можно видеть, проблема определения нормы и патологии экономического состояния действительно крайне актуальна для выбора научно обоснованных целей дальнейшего развития российского общества. Особенно это актуально в свете известных неблагоприятных прогнозов развития мировой экономики, составленных с учетом предполагаемого в обозримой перспективе ухудшения условия общественного воспроизводства, прежде всего связанных с ограниченностью природно-ресурсного потенциала. Проведенный выше небольшой анализ показал, насколько сложно дать однозначное определение понятия экономической нормы и патологии, причем это связано не только с экономическими особенностями. Понятие нормы (так же как и патологии) вообще неоднозначно; пожалуй, самым расхожим остается для многих понимание нормы как, во-первых, чего-то среднего, устоявшегося, не выделяюще-

гося из массы и, во-вторых, наиболее приспособленного, адаптированного к окружающей среде [3]. Такое понимание хорошо согласуется со здравым смыслом и имеет весьма глубокие корни в житейском сознании, прочно отождествляющем нормальное и общепринятое.

Данный статистически-адаптационный подход к пониманию нормы вызывают, однако, резкую критику, ибо индивидуальные различия между однотипными социально-экономическими объектами достигают иногда столь больших величин, что среднестатистические нормы оказываются весьма далеки от реальных индивидуальных норм. Учитывая, что, по крайней мере, два обстоятельства делают невозможным однозначное определение нормального и патологического: множественность социальных общностей, «социумов» и неоднородность предъявляемых каждым таким «социумом» требований, некоторые исследователи по существу отрицают наличие объективных оснований для различия нормы и патологии. Такое представление в научном плане есть не что иное, как снятие проблемы нормы, капитулирование перед ее сложностью и переход к описанию любого таксономического объекта только как особенно, уникального в своем роде. Одними из наиболее ярких представителей такой точки зрения были представители экзистенциалистского подхода. Следует добавить, что для успешного решения проблем типа выявления нормы и патологии экономических процессов, необходимо заняться изучением оснований экономической науки, т.е. созданием метатеории политэкономии — метаэкономики.

Такая крайняя точка зрения, на наш взгляд, неправомерна, ибо несмотря на сложности познавательного процесса в самой объективной реальности имеются предпосылки для различения нормы и патологии. Так, несмотря на имеющиеся значительные различия, существующие в системах хозяйствования, например, США, Японии и Великобритании, все они воспринимаются для населения России и других стран бывшего социалистического лагеря как нормальные экономические системы в настоящее время, хотя западные экономисты характеризуют экономику Англии как большую. Разумеется, понятие нормы — относительно. Это означает, что, во-первых, абсолютно нормальных систем в реальности не бывает (абсолютно нормальная экономическая система — идеальная абстракция того же типа, что применяются в физике, химии и других науках — например, идеальный газ, абсолютно черное тело и пр.), во-вторых, нормальность выявляется лишь — в сравнении. Например, сомалийцам современная экономическая ситуация в России показалась бы вполне нормальной. Более того, если сравнивать показатели сред-

него уровня жизни в России в настоящее время и в США где-то пятидесятилетней давности, то получим вполне сопоставимые значения. Просто сейчас в России стало жить сложнее, чем лет 15 назад, поэтому изменения в экономике воспринимаются как аномальные. С другой стороны, еще совсем недавно значительная часть населения планеты воспринимала советскую модель социализма не только как нормальный тип социально-экономической системы, но и как образец для подражания.

Точно также на относительность понятия «норма» указывает и то, что для россиян английская и нидерландская экономики кажутся процветающими, тогда как на Западе широко известен феномен так называемых «английской болезни» и «голландской болезни» [12; 13]. Так, с начала 50-х годов происходит почти непрерывное ослабление позиций Великобритании в капиталистическом хозяйстве. Она отстает от конкурентов по темпам роста валового внутреннего продукта и промышленного производства. Англия стала терять свои позиции и в сфере заграничных инвестиций: если перед второй мировой войной ее зарубежные капиталовложения почти вдвое превышали инвестиции США, то к настоящему времени она не только перешла на второе место, но и утрачивает свои позиции по отношению к другим крупным капиталистическим государствам.

В связи с этим в западной литературе к Великобритании нередко приклеивают ярлык «больного человека» капиталистического мира. Выделяют несколько основных причин того, что в цепи высокоразвитых государств послевоенная Англия оказалась, прежде всего в экономической сфере, сравнительно слабым звеном. Диалектика истории такова, что если в первую половину XX в. уникальная по своим масштабам всемирная система имперских связей все еще обеспечивала Англии роль и статус с США одной из двух самых сильных в капиталистическом мире держав, то в условиях, возникших во второй половине столетия, чрезвычайно высокая степень зависимости метрополии от этой же системы оказалась ее ахиллесовой пятой. Преимущественно колониальная природа английской экономики в период развала Британской империи оборачивалась повышенной уязвимостью к радикальным переменам. Важно и то, что приоритет краткосрочного государственного регулирования над долгосрочным, характерный для английской экономики в 60—70-е годы, не только не стимулировал, но, напротив, тормозил процессы модернизации хозяйства. Огромную негативную роль сыграл и рост экспорта капитала из страны [13]. В силу схожести по ряду параметров процессов большое значение для России имеет анализ причин «английской болезни».

Таким образом, основания теорий нормы в значительной степени связаны с диалектической трактовкой категории меры. В этой области к числу самых существенных трудностей относится определение границ нормы и патологии, пределов и возможностей нормы. В отношении нашего предмета исследования это означает, что необходимо разработать качественные и количественные (причем количественные наверняка будут иметь в основном интервальную форму) параметры, характеризующие кризисные и нормальные социально-экономические состояния. Это означает, что следует предложить систему показателей (включающую как средние, так и групповые показатели), характеризующие эти состояния, определить критерии, пороговые значения на основе которых можно выделить норму и патологию в экономике, причем следует учитывать, что, возможно, придется предложить несколько разновидностей такого рода систем показателей и критериев в соответствии с количеством возможных типов и форм кризисных и нормальных социально-экономических процессов и состояний (в связи с этим важнейшей задачей патэкономии является классификация «экономических заболеваний» и поиск методов их лечения, правда, при этом нужно помнить формулу «лечить не болезнь, а больного»). Последнее необходимо, так как даже поверхностный анализ показывает, что следует выделять значительное число как разновидностей и типов экономических реформ, так и разновидностей и форм кризисных состояний — частичных кризисов, затрагивающих лишь те или иные сферы социальной действительности и всеобщих кризисов; локальных и мировых; периодических и непериодических; глубоких и поверхностных; энергетических, валютно-финансовых и пр.; длительных и сравнительно непродолжительных кризисов и пр. Так, суть «голландской болезни», о которой нередко упоминают на Западе, заключается лишь в следующем: Нидерланды, сосредоточив внимание на добыче газа, утратили свои позиции в производстве многих видов наукоемкой продукции и торговле ими. Кстати, анализ этой «болезни» весьма поучителен и для России. Как видим, существует значительное число разнообразных критериев, подходов и оценок, на основе которых необходимо осуществлять патэкономический анализ, проведение которого позволит выявить пороговые, критические параметры, характеризующие аномальные социально-экономические процессы. Важным разделом патэкономии должно стать также изучение экономических «черных дыр»; кстати, увеличение разрыва между уровнем развитых стран и всего остального мира во многом объясняется эффектом «черной дыры», когда развитая страна поглощает ресурсы развивающейся («утечка мозгов», де-

шее сырье, бегство капиталов и пр.), т.е. иначе говоря, экономическая «черная дыра» обладает свойством аттракции.

Важнейшей задачей патозкономики является также анализ непосредственно связанной с вопросом определения «норма—патология» проблемы научной обоснованности выбора целевых ориентиров перехода к развитому состоянию, которая, в свою очередь, непосредственно примыкает к проблеме осуществления научной типологизации и классификации социально-экономических систем. Это связано с тем, что определяя целесообразность перехода к развитым рыночным отношениям (или, может быть правильнее — к «обществу изобилия») в качестве целевой установки, следует учитывать следующие нюансы. В настоящее время эффективность общественного производства в наиболее передовых капиталистических странах действительно очень высока — но будет ли так всегда? Ведь не следует забывать, что рыночные отношения — лишь одна из возможных форм производственных отношений, а поэтому эффективность рынка во многом обусловлена уровнем развития материально-технической базы. Так, неизвестно, осталась ли эффективность производства в этих странах столь же высокой, если бы сократились дешевые сырьевые поставки из стран третьего мира. В этой связи можно высказать мысль, что не могут все страны быть одновременно высокоразвитыми рыночными государствами (более того, происходит усиление дифференциации между развитыми и развивающимися странами — так, на пороге 90-х годов долг развивающихся стран приблизился к 1200 млрд долл., этот долг сравним с 40 % их совокупного валового внутреннего продукта). Так, для того чтобы все человечество с учетом его предстоящего роста могло достигнуть современного промышленного производства в США на душу населения, потребление сырья и энергии в следующие сто лет должно возрасти в сто раз! Выбор новых технологических решений позволит снизить эту цифру. И тем не менее без коренных изменений в характере потребления удержать равновесие природных систем Земли будет невозможно [8]. Так, в 70-х годах в индустриально развитых капиталистических странах потреблялось в 25 раз больше исходных сырьевых ресурсов, чем в странах развивающихся. По приблизительным расчетам, в настоящее время не каждого жителя США приходится пятьсот механических рабов в пересчете машинной энергии на мускульную силу человека. В результате, как отмечают некоторые американские биологи, негативное влияние на природную среду одного жителя США в 50 раз больше, чем, например, одного жителя Индии.

Поэтому в мире не может одновременно суще-

ствовать значительное число (а тем более — всех) высокоразвитых рыночных государств — это такая же утопия, как и идея о наступлении всеобщей эры коммунизма (правда, есть и такой вариант — определенное усреднение уровня потребления всех стран за счет перераспределения дохода в пользу более бедных, что сделает мир более устойчивым). В этой связи можно даже сформулировать принцип о необходимом существовании в данном временном интервале в мире государств с различными хозяйственными системами, так как для развитых стран необходимы страны, выполняющие роль сырьевого придатка и экологического отстойника, а это значит, что не для всех государств стремление к рыночным (или, точнее, к преимущественно рыночным) экономическим отношениям является научно оправданным. Таким образом, рыночные отношения сами по себе могут способствовать как повышению эффективности, так и усилению экономической зависимости — многое зависит от исходного технологического уровня экономики и состояния мирового рынка (ведь не следует забывать, что из всей совокупности рыночных государств к высокоразвитым относится лишь небольшая часть, существенную долю доходов которым дают проценты за предоставляемые кредиты, неэквивалентный обмен и эксплуатация дешевой рабочей силы в странах третьего мира; добавим также, что в последнее время к высокоразвитым странам не добавилось ни одно государство, более того, разрыв между ними и развивающимися странами увеличивается). Важно учитывать также и следующее. Как известно, на протяжении только этого столетия мировой капитализм пережил несколько очень чувствительных экономических кризисов — достаточно вспомнить кризис 1929—1933 гг.; не исключено, что после очередного кризиса капиталистическая система не сможет оправиться, тем более, что и прежде крупные кризисы способствовали существенной трансформации этой системы. Не следует забывать и о том, что социалистические идеи долгое время пользовались широкой популярностью — и для этого были объективные предпосылки (к тому же кроме советской возможны и другие социалистические модели). Поэтому с научной точки зрения не следует исключать, что через определенное время приоритеты и ценности вновь могут измениться, тем более, что несмотря на переход к рыночным отношениям, во многих бывших социалистических странах кризис продолжает углубляться. Таким образом научное обоснование выбора той или иной целевой установки, также как и нормы не может быть абсолютным, оно всегда в той или иной мере связано с существующей социально-экономической ситуацией в обществе. В этой связи следует признать,

что в настоящее время переход к развитым рыночным отношениям для российского общества следует признать обоснованным и целесообразным, но, не следует исключать, что с изменением общественной ситуации может претерпеть изменение и сама целевая установка (например, будет взята на вооружение какая-то не советская социалистическая модель). Поэтому и место модели рыночной экономики в классификации общественных систем, зависящее от многих факторов, с течением времени также может измениться. Важно учесть и то, что эффективность рыночных отношений во многом определяется исходным технологическим базисом — не зря же говоря о создании информационного общества — в России же он не соответствует стандартам развитой рыночной экономики, поэтому переход к ней, возможно, преждевременен. Таким образом, научно обоснованный выбор целевых ориентиров во многом определяется глубиной и всесторонней классификацией социально-экономических систем, в которой учитывается их иерархия. Важнейшей задачей патозкономики является также разработка направлений и выявление методов для создания условий для оптимального варианта перехода к рынку.

Переход от кризисного к нормальному состоянию подчиняется общим закономерностям. Так, нами было установлено, что переходные процессы подчиняются таким законам, как волнообразный характер переходных процессов (не следует путать с волнами Кондратьева, ибо здесь имеется в виду другой тип волн — речь идет о волнообразном характере взаимодействия рыночной и государственной систем экономического регулирования), чрезмерно высокий уровень неопределенности среды во время переходного периода и ряду других. Были нами выявлены также объективные принципы оптимальной стратегии переходного периода в России, такие как этапность, длительный характер перехода и пр.

Важно также, что вопреки распространенному мнению для реализации оптимальной стратегии перехода необходимо разработать не одну, а две модели: перспективную модель развитой рыночной экономики и оперативную модель переходного периода. Важным условием эффективности проводимых реформ является, на наш взгляд, создание на постсоциалистическом пространстве условий для осуществления хозяйственной деятельности, в определенной мере напоминающих принципы, на основе которых осуществляют производственную деятельность страны — члены ЕС. Таким образом, поскольку выходом из кризисного состояния, как правило, является реформирование социально-экономической системы, постольку анализ и выявление общих закономерностей

и специфических особенностей в реформах в различных странах и в разные исторические эпохи является одной из важнейших задач патозкономики. Выделяют различные виды и типы реформ, частичные и комплексные, постепенные и ускоренные и пр. Поскольку переходные состояния включают элементы исходной и конечной системы, постольку весьма актуально изучение в патозэкономике процессов социально-экономической адаптации. Адаптация (прилаживание, изменение) составляет одну из сторон приспособления, связанную с изменением структуры и функции системы под влиянием среды (кстати, интересно, что в Венгрии в последнее время все более склоняются к кейнсианским методам как наиболее эффективной форме рыночной адаптации постсоциалистической экономики). Следует при этом учитывать, что адаптация — двусторонний процесс, заключающийся в том, что системы не только приспособливаются к данной среде, но и приспособливают ее к себе. Для анализа явления социально-экономической адаптации важно учитывать три момента: объект (носитель адаптационных свойств) и формы его организации, детерминацию процесса, а также непосредственно конкретные условия. Морфология адаптивного процесса с точки зрения его четырех основных структур определяется четырьмя группами материальных факторов жизненной среды: 1) относительно постоянных или 2) быстро преобразующихся; 3) полезных или 4) вредных [6].

Таким образом, социальная адаптация (кстати, это слово в переводе с латинского означает приспособление) — процесс приведения аномальных состояний в соответствии с системой общественных норм и ценностей, поэтому одним из наиболее значимых результатов социальной адаптации может быть устранение или хотя бы смягчение различного рода диспропорции (кстати, изучение и классификация всевозможных диспропорций также является одной из важнейших задач патозкономики). Этот процесс осуществляется на основе коррекции (система мер, направленных на исправление или ослабление недостатков), компенсации (замещение или перестройка нарушенных функций системы) и других подобных мер. Однако патозэкономика не только должна заниматься распознаванием, классификацией и диагностикой экономических болезней (кстати, в процессе диагностики возможно выявление неизвестной до этого времени формы патологии) и поиском методов их лечения — важнейшей функцией патозкономики является профилактика, недопущение заболевания экономического организма. В этой связи особый интерес имеют исследования по определению и выявлению момента (точнее, временного интервала) перехода от нормы к патологии, связанные с определением границ того и

другого состояния. В медицинской литературе анализируются такие явления, как предболезнь, предпатология (кстати, в обществе начало кризиса, как правило, характеризуется такими симптомами, как обострение социальной напряженности, усилением иррациональных форм мышления в общественном сознании, кризисом национальной идеологии и пр.). Здесь уместно вспомнить, что еще Гален указывал на существование трех состояний: здоровья, переходного периода и болезни [1]. Раздел патоекономики, занимающийся профилактикой экономических заболеваний, как раз таки и должен разрабатывать методы распознавания такого состояния предболезни и способы его устранения, для чего необходимо сначала разобраться в процессе патогенеза (патогенез — это механизмы возникновения, развития и завершения болезни в организме, которые появляются под влиянием этиологических факторов и характеризуются определенными структурными изменениями [7]. В этой связи весьма интересны методы теории катастроф. Следует помнить, что профилактика экономических заболеваний гораздо эффективнее, чем их лечение. Но не следует при этом забывать, что диагностика, являющаяся важнейшим разделом патоекономики и призванная к обнаружению болезней, болевых точек и узких мест, патологий, является важнейшим условием не только профилактики экономических заболеваний, но и их лечения, причем диагностика необходима на разных уровнях — фирмы, отрасли, региона [14; 15].

На возможность сравнения между кризисными состояниями в экономике и болезнями человеческого организма указывали и другие исследователи. В этой связи небезынтересно вспомнить статью выдающегося венгерского экономиста Я. Корнаи «Здоровье нации», в которой он отмечает, что правильнее ставить вопрос не о том, как прийти к здоровой экономике, а о том, какими заболеваниями следует пренебречь, если абсолютно здоровую экономику страна пока не может себе обеспечить [цит. по: 10]. Корнаи пишет, что в экономике, как и в медицине, не было случая, чтобы при радикальном «лечении» серьезных экономических недугов не возникали бы и побочные эффекты, которыми также должна заниматься патоекономика. Скажем, для того чтобы снизить инфляцию, следует пойти на рост безработицы; либо пойти на рост задолженности или снижение гипертрофированного экономического роста в интересах снижения дефицитности в экономике. В этой связи он делает вывод, актуальный, кстати, не только для Венгрии, но и для нынешней экономической ситуации в России и полностью соответствующий нашему подходу об уникальности для каждой страны как модели переходного периода, так и модели развитой экономики: для

лечения экономических бед и недугов надо искать разумное сочетание методов и средств лечения в соответствии с особенностями и традициями страны. Поэтому применение одних и тех же монетаристских схем к разным странам — это то же самое, что использование одного лекарства для лечения разных больных к различным болезням.

Таким образом, проведенный анализ позволяет убедиться в том, что патоекономика — новая область экономической науки, имеющая собственный предмет исследования. Развитие патоекономики имеет большое теоретическое значение для развития всего комплекса экономических дисциплин. Патоекономические исследования имеют также огромное практическое значение для выбора оптимальных путей общественного развития и устранения различного рода диспропорциональностей в условиях переходного периода, а отсутствие глубоких проработок крайне отрицательно сказывается на современной экономической ситуации в России.

Так, сознательная и активная преобразующая роль государства, будучи отличительной чертой любого реформационного преобразования, необходимо выводит нас, как отмечают некоторые авторы [11], на более общую проблему — проблему взаимодействия государства и экономики. Обращение к этой последней является тем предварительным условием, которое только и делает возможным плодотворный анализ социально-экономических реформ — особенно это актуально для российской экономики.

Важно и то, что нарушение нормального течения экономических процессов, торможение хозяйственного развития и вызываемая этими обстоятельствами обостренность социально-экономической ситуации в обществе при переходе от старых к новым условиям хозяйствования требуют создания особого переходного механизма, включающего в себя законодательные, финансовые, организационные меры. Его функциями являются поддержание социально-экономической стабильности в обществе, стимулирование ускоренного перехода к новым условиям хозяйствования, поддержка новых форм хозяйственной деятельности. Важнейшей задачей патоекономики должно быть всестороннее изучение и классификация возможных разновидностей переходного механизма. Добавим, что исторический опыт показывает, что создание такого механизма является одним из важных условий успеха реформационных преобразований и способно сделать переходный период наименее болезненным и взрывоопасным.

В настоящее время патоекономика находится в зачаточном состоянии, чем во многом и объясняются многочисленные заимствования специальных терминов (патогенез, адаптация, экономическая «черная дыра» и пр.) из других отраслей науки. Однако в этом нет ничего пре-

досудительного — практически любая наука на заре своего развития значительную часть своего специального категориального аппарата заимствовала из сопредельных областей знания. По мере того, как патэкономика будет становиться «на ноги», все более четко будет очерчиваться ее собственная терминологическая база (напомним, что современные представления об общих закономерностях возникновения, развития и исходов патологических медицинских процессов сложились в течение последних 150—200 лет на основании анализа огромного массива фактов [16]). Теперь, когда была показана актуальность, значимость, теоретическая и практическая ценность патэкономике, необходимо приложить максимум усилий для всестороннего анализа и изучения переходных, кризисных социально-экономических процессов и состояний, типов реформ, что создаст условия для полноценного развития патэкономике и, возможно, уже в недалеком будущем патэкономике даст ответ на важнейший вопрос: приведет ли переход к рыночным отношениям в России и других странах бывшего социалистического лагеря к обществу изобилия или такой переход пока преждевременен и не соответствует технологическому базису постсоциалистической экономики, а полная либерализация хозяйственной деятельности в этих странах лишь способствует усилению их зависимости от высокоразвитых капиталистических государств? Заканчивая рассмотрение вопроса об актуальности и целесообразности создания патэкономике, можно предположить, что в не далеком будущем не только будет создана новая дифференцированная научная дисциплина - патэкономике, которая окажет существенное влияние на развитие «нормальной» экономической теории, но и объединение, синтез патэкономике и «нормальной» теории позволит привести к созданию обобщающей экономической теории, в которой будут рассматриваться подлинно общие законы функционирования социально-экономических систем. Для того, чтобы такого рода обобщающая, синтезированная экономическая теория как можно быстрее была создана, необходимо помимо патэкономике разработать метатеорию политэкономике, метатеорию экономической науки, названную нами метаэкономикой, предназначенную для изучения основ, оснований экономической теории.

Литература

1. **Философия** и медицина / Под ред. В.Ф. Сержантова, А.А. Королькова. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. — 213 с.
2. **Зейгарник Е.В.** Патопсихология: Учебник. — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 238 с.
3. **Братусь Б.С.** Аномалии личности. — М.: Мысль, 1988. — 304 с.
4. **Социальные** отклонения. Введение в общую теорию. — М.: Юрид. лит., 1984. — 320 с.
5. **Кедров Б.М.** Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. — М.: Мысль, 1985. — 543 с.
6. **Калайков И.** Цивилизация и адаптация: Пер. с болг. — М.: Прогресс, 1984. — 240 с.
7. **Петленко В.П., Струков А.И., Хмельницкий О.К.** Детерминизм и теория причинности в патологии. — М.: Медицина, 1978. — 260 с.
8. **Олдак П.Г.** Равновесное природопользование. Взгляд экономиста. — Новосибирск: Наука, 1983. — 128 с.
9. **Лузин Г.П., Павлов К.В.** Соотношение рыночных и государственных методов экономического регулирования в условиях переходного периода. — Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 1993. — 181 с.
10. **Монич Ю.И.** Формирование рыночной экономики в Венгрии // Общественные науки и современность. — 1993. — № 6. — С. 125—135.
11. **Максимов С.Н.** Перестройка и проблемы хозяйственных реформ. — СПб.: Изд-во СПбУ, 1992. — 184 с.
12. **Юданов А.Ю.** Секреты финансовой устойчивости международных монополий. — М.: Финансы и статистика, 1991. — 192 с.
13. **Великобритания** / Отв. ред. С.П. Мадзоевский, Е.С. Хесин. — М.: Мысль, 1981. — 429 с.
14. **Варганов А.С.** Экономическая диагностика деятельности предприятия: организация и методология. — М.: Финансы и статистика, 1991. — 80 с.
15. **Дмитриева О.Г.** Региональная экономическая диагностика. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 1992. — 274 с.
16. **Саркисов Д.С.** Очерки истории общей патологии. — М.: Медицина, 1988. — 334 с.
17. **Жуков С.В.** Роль государства в сотворении «южнокорейского чуда» // Российский экономический журнал. — 1993. — № 5. — С. 98—104.
18. **Лузин Г.П., Павлов К.В.** Патэкономике, или общая теория переходных, кризисных социально-экономических процессов. — Мурманск: Обл. книжн. изд-во, 1999. — 586 с.